

БЕЗУМЕЦ С ТУСКЛОЮ СВЕЧОЙ...

Заметки к роману

*Стихи не учатся писать,
Стихи приходят сами:
Как в трудную минуту — мать,
Как третий между нами,
Как боль, как ужас, как любовь,
Как камень вдруг на сердце,
Как горлом хлынувшая кровь,
Как первый вскрик младенца...
Как с ворогом смертельный бой,
Как вечности желание,
Как вдруг — свеча за упокой,
А вслед за ней — во здравие...
Как пред мессией — пророк,
Как метеор тунгусский,
Как ни за что — сума и срок,
Как осознание — русский!*

1

Омск славен литературными именами, известными не только в России, но и за ее пределами. Здесь, пусть недолго, но жили и творили в уже минувшем XX веке Александр Новоселов, Георгий Вяткин, Павел Васильев, Антон Сорокин, Леонид Мартынов, Сергей Залыгин, Роберт Рождественский, Вильям Озолин, Аркадий Кутилов, поэтическая звезда которого, рано ушедшего из жизни, разгорается в последние годы, и многие другие. Здесь родился и написал свои лучшие вещи классик сибирской эпической литературы Феохист Алексеевич Березовский. А в веке XIX в Омском остроге томился несколько лет великий Федор Михайлович Достоевский, чему свидетельством знаменитые его «Записки из Мертвого дома».

Правда, город в междуречье Иртыша и Оми был не очень милостив к ним, почему светлые воспоминания о нем редки у этих литераторов. Местные власти спохватывались и спохватываются, отдавая им должное спустя долгое время, но все же лучше поздно, чем никогда, — и появлялись в Омске «писательские» улицы, устанавливались поэтам и прозаикам памятники, крепились на стенах зданий, в которых они когда-то ютились или пребывали в заключении, памятные доски и барельефы...

Однако такое запоздалое почитание касается лишь тех писателей, чьи имена, как говорится, на слуху. А вот когда пробьет час поэта, чья судьба тесно связана с Омском и без творчества которого русская письменная словесность не может быть полной, и пробьет ли — неведомо. Поскольку о Викторе Некипелове, умершем 1 июля 1989 года и похороненном на Валантонском кладбище близ Парижа, мало кто знает; а «инженеры человеческих душ», наслышанные о нем вполуха, при упоминании его имени — особенно от якобы «патриотически настроенных» — нос воротят: «Какой он русский поэт, когда, кажись, во Францию сбежал? И этот еще, правозащитник...» Последнее звучит в их устах как ругательство.

На погосте Валантонском близ Парижа
Православную могилу вдруг увижу:
Среди строгих плит могильных, будто перст,
Дядю Витю охраняет русский крест...

На православном кресте короткая надпись:
«Виктор Александрович Некипелов. 1928 – 1989».

2

В Париже Виктор Александрович Некипелов прожил немногим больше года, а приехал в столицу Франции прямо из ссылки, которую отбывал после семилетнего заключения в районном городке Абан Красноярского края.

Осенью 2000-го года, приглашенный Виктором Петровичем Астафьевым в Красноярск на писательскую конференцию «Литературные встречи в русской провинции», я поинтересовался у красноярцев, что это за местность, и услышал в ответ:

— Гнилая... У черта на куличках...

А Виктора Александровича сослали в эти гнилые кулички на пять лет, уже смертельно больного, с явным расчетом: пусть он там и пропадет навсегда. Что непременно бы и случилось, не вымоли его жена Нина Михайловна

Комарова у начавшего перестройку Горбачева помилования мужу. Но помилование было с обязательным условием эмиграции. Практиковалось подобное в те годы, железобетон которых тогда только пошел трещинами, и окружение первого и последнего президента СССР надеялось их зацементировать.

Так человек, не мыслящий себя вне родины, оказался за ее пределами. О чем Некипелов писал в единственной прижизненной своей книге «Между Марсом и Венерой», изданной в Советском Союзе в 1966 году:

...И кажется нелепою и дикой
Одна лишь мысль, что можно жить вдали
От этой вот, поросшей голубикой,
Неласковой, но дорогой земли!

Да, дорогая поэту земля была не очень ласкова к нему с рождения. Потому что и родился-то он 29 сентября 1928 года за границей — в китайском Харбине, куда его отца, военного медика-инфекциониста и эпидемиолога, командировали бороться с эпидемией чумы. Этой своей причудой судьба как бы предопределила и смерть на чужбине. А в промежутке между двумя этими датами она уготовила Некипелову такие испытания, какие в силах выдержать далеко не каждый человек. Но Виктор Александрович, который для меня всегда был и навсегда остался дядей Витей, выдержал.

3

Мы вовсе не родственники, но быть родными можно и не по крови. Виктор Александрович был другом моего отца. Они дружили с 1947 года, когда стали курсантами Омского военно-медицинского училища имени героя гражданской войны Николая Щорса. Щорс в мирной жизни был фельдшером. И в ОБМУ готовили фельдшеров для армии. Размещалось оно в строениях XIX века на территории Омской крепости, заложенной полковником Иваном Бухгольцем в веке XVIII. Это на стрелке двух рек — по правому берегу Оми, впадающей в Иртыш.

Мой будущий отец с другом Виктором учились на круглые, как тогда выражались, пятерки. Некипелов, по воспоминаниям его однокашников, вообще был самым блестящим курсантом в училище, обладая феноменальной памятью: цитировал, раз прочитав, главы из книг, будь они научными, политическими или художественными, мог повторить слово в слово лекцию, которую, казалось, и не слушал, почему его и поднимал с места в учебной аудитории взбешенный преподаватель...

Мама, не забылось, рассказывала: «Виктор был и самым галантным «щорсовцем». Придешь, бывало, в клуб военно-медицинского училища на танцы, так он не клюквенным морсом из общепитовского жбана — самый дешевый прохладительный напиток в буфете — угощает, как другие курсанты знакомых девчат, а дорожущим, как мне тогда казалось, лимонадом в непечатой бутылке. «Витя, да ты разоришься!» — ахну. А он в ответ, как сейчас слышу, этак по-гусарски: «Не пьют морса курсанты училища имени Щорса!» — «Побойся бога, Витя! — засмеюсь. — При чем здесь вы, курсанты?» — «Наш бог — Георгиевский!» — щелкнув каблуками сапог, вытянется он в струнку».

4

Иван Николаевич Георгиевский — полковник, видный советский ученый и крупный военный специалист по вопросам организации и тактики медицинской службы — тогдашний начальник военно-медицинского училища. С начала войны — Ленинградского, а потом и Омского, как оно стало именоваться официально с 1947 года, хотя фактически приобрело статус Омского еще осенью 1941-го, когда его эвакуировали в этот город из северной столицы.

Я смотрю в музей училища, получившего несколько лет назад статус колледжа, на фотографию Георгиевского, которого почитали и курсанты, и преподаватели, а в меня из музейного простенка вглядывается, кажется мне, выдающийся русский актер Владислав Дворжецкий — с простенького, карандашом, но довольно большого портрета. Смотрит, как генерал Хлудов из фильма «Бег», — требовательно, бескомпромиссно и с отчаянием.

— Я с Владиком училась, — вдруг тихо и как-то виновато говорит хранительница музея Валентина Васильевна Пожерукова. — Он после нашего училища служил на Курильских островах. Потом работал фельдшером, заведовал аптекой. Встречались, пусть и не часто, и когда Владик прославился. Он никогда не чурался однокашников...

Надо же, думается мне, Дворжецкий почти повторил путь моего отца — от Сахалина-то до Курил рукой подать...

Владислав Дворжецкий окончил училище в 1959 году. На девять лет позже моего отца и его друзей. И уже не военное, а переоформленное в гражданское и переданное, скажем так, из Министерства обороны в Министерство здравоохранения РСФСР. Однако и в Омском медицинском училище № 3 республиканского подчинения, как стало именоваться бывшее «щорсовское», обучение еще долгое время продолжалось по военно-медицинской программе. Чуть ли не до преобразования его уже в колледж.

5

Таких профессиональных средних учебных заведений, как Омский медицинский колледж федерального подчинения, в нашей стране всего семь, но Омский — самый, без преувеличения, прославленный и востребованный в Российской Федерации. Востребованный не только потому, что единственный на огромнейшей территории от Уральского хребта до Тихого океана. Здесь настолько высок уровень подготовки медицинских работников по специальностям «Лечебное дело», «Сестринское дело», «Фармация» и «Лабораторная диагностика», что, право, выпускники колледжа не уступают в познаниях теоретической и практической медицины выпускникам медицинских вузов. Вот почему питомцев колледжа, решивших учиться дальше, принимают с распростертыми объятиями не только в Омскую государственную медицинскую академию, но и во все другие медвузы страны. А многие преподаватели медакадемии, между прочим, начинали свой путь в медицину как раз в «школе старших лекарских помощников», как именовали подобные заведения в старину. Именно с этой «школы», открытой в далеком 1925 году при Военно-медицинской академии в Ленинграде, а затем преобразованной в Ленинградское военно-медицинское училище имени

Н. Щорса, и ведет отчет своей истории сегодняшний медицинский колледж в Омске, работающий на все здравоохранение России. И каждое «годолетие» ПОБЕДЫ его выпускников предвоенных и военных лет чествуют и поминуют добрым словом «от Москвы до самых до окраин». В разгроме немецко-фашистских захватчиков, часто и ценой собственной жизни, они стяжали неувядаемую славу не только себе, но и своей alma-mater. Не запятнали ее репутации и воспитанники послевоенных десятилетий. Как в мирных российских лечебно-профилактических учреждениях, в больницах и поликлиниках бывших братских республик, ставших самостоятельными государствами, так и в «горячих точках» — от Афганистана до Чечни. Хотя это учебное заведение, навсегда, думается, укоренившееся в сибирском городе на Иртыше, вот уже почти полвека гражданское, а не военное...

6

Мой будущий отец и дядя Витя, как, впрочем, и все курсанты ОБМУ, гордо называли себя «щорсовцами». Но медицина, наверное, не была главным их призванием. Потому что оба писали стихи и считали себя поэтами. Особенно успешным был дядя Витя, на равных общавшийся тогда в местном литературном объединении с набирающим известность Сергеем Залыгиным, Царствие ему Небесное. Дядя Витя печатался не только в областных газетах, но и в «толстом» литературно-художественном «Омском альманахе».

Я отыскал в архиве Омской научной библиотеки этот журнал с его публикациями. И был ошарашен не только тем, что молодому поэту под его еще не очень-то совершенное и весьма политизированное творчество отдавалось по десять журнальных полос, чему может и сегодня позавидовать иной маститый автор, но и эволюцией его поэтического, социального и гражданского мировоззрения за какие-то два десятилетия.

Если, скажем, в 1950 году Виктор Некипелов с восторгом писал о газетных страницах, на которых «изложены мудро мелким петитом большие задачи», то в 1971 он заявляет в своем программном «Отречении», что «ничей он ни духом, ни телом», и уверенно знает: «ни красным, ни белым меня никакая не сделает власть». Хотя, опять же, еще в курсантские годы он выделялся среди других обостренным чувством собственного достоинства и почти болезненной тягой к справедливости.

— Виктору всегда больше других доставалось, — рассказывала мама о дяде Вите, уже покойном, когда я прочитал ей выдержки из мемуаров Григоренко, в которых опальный генерал поминал добрыми словами друга отцовской и маминой юности. Мама уже почти полностью ослепла, сахарный диабет делал черное свое дело, и читать она не могла даже в очках. — Беды к нему как притягивались. А ведь всем только добра хотел...

— А на примерах, мама, не помнишь?

— Ну, например, он окончил девятилетку, а не семилетку, как большинство его однокашников, да и из семьи интеллигентной, всех, значит, образованной, а рядом ребята из деревень — едва тянут. Даст им списать, скажем, по русскому языку сочинение, а они — нет чтобы по-своему изложить, слово в слово перепишут. С цитатами из классиков литературы или политики, о каких и не слышали порой. Понятно, всем по наряду вне очереди, а Виктору — разом три... Или на физподготовке. Если кто-то один до норматива не дотягивает — гоняют всю роту, как курсы в училище назывались, пока отстающий не подтянется. Мол, чтобы не получалось, что один в ногу шагает, а остальные не в ногу, хотя бегали чаще, чем строевую отбивали. Загоняют, бывало, так, что вся рота вповалку. А Виктор однажды и выступил перед командиром: «Это измывательство!..» Под арест его, конечно, на гауптвахту за урон авторитета командира и чтобы не выпячивался. Но измываться после, правда, перестали... А еще Виктору всегда доставалось, когда в городском саду после танцев курсанты танкового и пехотного училищ с фельдшерами схватывались. Так, фельдшерами, они «щорсовцев», казалось им, обзывали. Из-за девушек, конечно, которым фельдшера больше пехотинцев и танкистов нравились. Но фельдшера и в таких схватках отличались, выходя победителями. Не потому, что превосходили численностью, как раз их меньше было, да знали, как бить и куда. Анатомия-то и физиология человека у них первыми предметами были. А вот на Викторе, случалось, живого места не оставалось после таких потасовок. Хотя он и не дрался вовсе, считая драки дикостью.

— А почему тогда битым оказывался, мама?

— А он разнимал всех, и в горячке его лупили, чтоб не мешал драться, и пехотинцы, и танкисты, и свои же фельдшера...

Особо мама выделяла еще одно качество характера дяди Вити, которое называла порядочностью.

— От Вити я никогда грубого слова не слышала, и при нем никто ругнуться не смел, хотя курсанты любили выставляться перед нами, девчонками, и на танцах, и в театре училища, в котором мы были «артистками», такими бесшабашными вояками...

Об этом же спустя многие годы вспоминал в документальном очерке «В лагере времен перестройки», опубликованном в еженедельнике «Литературная Россия», бывший политический заключенный Алексей Щербаков:

«Из первых своих знакомых (по лагерю Пермь-35. — Н.Б.) упомяну Виктора Александровича Некипелова... Виктор Александрович заканчивал в 1986 году второй срок. Это был настоящий русский интеллигент. Талантливый поэт... Он тогда уже был болен... Была у него и еще одна, редкая в наше время, особенность. Он не сквернословил, считая это аморальным и недостойным...»

Из таких вот сообщений, воспоминаний мамы, рассказов однокашников и знакомых отца я много знаю о друзьях его молодости, ближайшим из которых, но в одном ряду с «однополчанами» по курсу-роте Андреем Седановым, Александром Жирновым и Асхатом Ибрагимовым, был дядя Витя. Эпизоды из курсантского их бытия, когда яркие, а когда не очень, но все равно запавшие в мою память, перемежаясь, как при вращении калейдоскопа, в конце концов упорядочиваются, складываясь в довольно цельную картину, на полотне которой, помеченном 1947—1950 годами, запечатлены, как в шлагере застойных времен, «отличные парни отличной страны».

Им бы жить да жить, да, не обделенным талантами, матереть, обретая чины и известность, но в дальнейшем все, за исключением дяди Саши, дослужившимся до генерал-майорской звезды на погонах, кончили, на обывательский взгляд, плохо. Да и не на обывательский, наверное, тоже.

О трагедии отца умолчу — очень уж случившееся с ним личное. А дядя Асхат Ибрагимов, старший лейтенант медицинской службы одной из застав на советско-китайской границе, «играя» на досуге с сослуживцами в «русскую